

УДК 130.1
ББК Ю 3(2)53–362

Мария Владимировна Привалова,
кандидат философских наук,
Забайкальский государственный университет
(672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30)
e-mail: MVPrivalova@yandex.ru

**Диалектика абсолютного и относительного
в эсхатологических воззрениях Е. Трубецкого**

Предметом исследования в данной статье является диалектическое соотношение относительного и абсолютного в жизни человека конца XIX – начала XX вв. в рамках русской эсхатологической традиции. Автор считает, что особенности русского национального характера, о которых так часто пишут и говорят, не врожденная психологическая данность, а результат истории. Русскому национальному самосознанию всегда было свойственно трагическое ощущение, вера в достижение лучшей жизни, мессианистическое убеждение в особой роли России в мировой истории. Автор уделяет особое внимание анализу апокалиптического подхода Е. Трубецкого к осмыслению социальных вопросов, как русского, так и мирового сообщества. В философии Трубецкого, Абсолют – это совершенный предмет (Бог), относительное – предпосылки, детерминанты абсолютного. Мысль о близости конца не обесценивает относительные ценности, а только заставляет думать об их подчинённом значении. Конец мира философ рассматривает как второе и окончательное пришествие Христа, т. е. не просто прекращение мирового процесса, а достижение его цели, осуществление имманентного ему смысла, превращение человечества в Богочеловечество. Создавая относительные ценности человек, не замечая этого, выстраивает внутри себя абсолютное, подготавливая основу для духовного преобразования.

Ключевые слова: Абсолют, абсолютные и относительные ценности, эсхатология, человек, социум, национальное самосознание, духовность.

Maria Vladimirovna Privalova,
Candidate of Philosophy,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039)
e-mail: MVPrivalova@yandex.ru

**Dialectics of the Absolute and the Relative
in the Eschatological Views of E. Trubetskoy**

The subject of study in this article is the dialectical correlation of the relative and the absolute in human life of 19th–20th centuries within the Russian eschatological tradition. The author believes that the peculiar characteristics of the Russian national character, which are so often spoken and written about, are not innate psychological reality, but the result of historical development. Russian national identity has always been distinguished by the tragic belief in the achievement of a better life, the messianic belief in Russia's special role in the world history. The author pays special attention to the analysis of the apocalyptic approach of E. Trubetskoy to understanding social issues of Russians and the international communities. In Trubetskoy's philosophy the absolute spirit is the perfect thing (God), and the relative – the premises, determinants of the absolute. The idea of the end proximity does not fully depreciate relative values, but only makes think of their subordinate significance. The philosopher considers the End of the world as the second and final advent of Christ, i. e. not just the cessation of the world process but the achievement of the objectives, the transformation of humanity into Godlike humanity.

Keywords: Absolute, absolute and relative values, eschatology, man, society, national identity and spirituality.

*Путь спасения – вообще путь
катастрофический
Е. Трубецкой*

Русскую философскую мысль всегда отличало особое внимание к социальной философии и историософии. Как отмечал В. Зеньковский: «Русская мысль сплошь и рядом историософична, она постоянно обращена к вопросам о смысле истории, конце истории и т. п. Это исключительное, можно сказать, чрезмерное внимание к философии истории, конечно, не случайно и, очевидно, коренится в тех духовных установках, которые исходят от русского прошлого, от общенациональных особенностей «русской души»» [5, с. 41]

Вообще корни эсхатологического восприятия истории уходят далеко вглубь веков. На наш взгляд, человечество всегда проявляло огромный интерес к апокалиптике, особенно это заметно в периоды, связанные со сложными социальными проблемами – войны, революции, эпидемии и т. д. Многие русские философы (Н. Бердяев, С. Булгаков, К. Леонтьев, В. Розанов, В. Соловьёв, Н. Фёдоров и др.) считали эсхатологичность, наряду с утопичностью, особенностью русского самосознания. Так, Бердяев писал: «Самобытная русская мысль обращена к эсхатологической проблеме конца, она окрашена апокалиптически. В этом – отличие её от мысли Запада» [2, с. 4].

В философии Е. Трубецкого вся история человечества проходит между двумя полярными точками – зверочеловечество и Богочеловечество. Путь к Богочеловечеству, по мнению философа, «лествица, коей вершина – на небе, а основание на земле» [6, с. 290]. Человек на протяжении своей жизни неоднократно может срываться с верхних ступеней, но любое движение уже само по себе благо и каждая из ступеней должна быть пройдена, ни одну нельзя миновать, так как процесс не менее важен, чем сам результат [6, с. 294].

Согласно взглядам Трубецкого, человеческий мир двойствен. «Выражение *corpus permixtum* (смешанное тело), которым латинские отцы церкви характеризовали земную церковь, применимо ко всему земному, – пишет философ, – в том числе и к нашей человеческой культуре, ибо она представляет собою пёстрое смешение доброго и злого, бессмертного и смертного» [6, с. 273], абсолютного и относительного. С учётом этого смешанного состава не всё в нашей жизни подлежит увековечиванию. Процесс разделения начнётся чередой мировых катаклизмов, моментами обострения внутренних и

внешних противоположностей [6, с. 273]. Эти моменты нарастания мировых противоположностей, являющиеся признаками приближения Апокалипсиса, как раз и помогают человечеству провести границу, где «с одной стороны – сгустившаяся над миром тьма, а с другой стороны – усилившееся религиозное искание, в котором уже чувствуются зачатки положительного откровения. С одной стороны – массовое озверение, с другой стороны – духовный подъем» [6, с. 274].

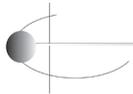
Одним из таких моментов является, по мнению философа, война. Трубецкой рассматривает несколько видов войн – это, во-первых, мировая; во-вторых, гражданская; и, в-третьих, самая страшная – межличностная или «война всех против всех». Начнём с последней: «распались все общественные связи, рухнул ... внутренний мир, – отмечает философ, – и словно самой родины нет больше – есть только враждующие между собою классы. А временами кажется, что нет больше и классов. Есть только хищные волки, которые рвут друг друга на части или собираются в стаи, чтобы вместе нападать на одиноких» [6, с. 259]. Война всех против всех является основой анархии, а это самое отрицательное из того что возможно в человеческом общении. Согласно взглядам Трубецкого, всё это «проявление крайнего практического безбожия» [6, с. 260], так как взаимоотношения в обществе базировались у нас всегда на религиозной основе. Когда же последние ослабели, вся система общественных отношений пришла в упадок.

Таким образом, анархия, разрушая социальные связи, основанные на религии, возвращает человека к образу зверочеловека, выстраивающего взаимоотношения на уровне инстинктов, в данном случае – борьбы за существование [6, с. 260].

Межличностная война не является проявлением апокалипсиса, так как философ воспринимает последний как некий экзамен, позволяющий отсеять всё не имеющее абсолютной ценности и дающий человеку возможность найти в себе самое лучшее.

Трубецкой, как и Гегель, который писал, что «Бог, правда, есть необходимость, или иначе, абсолютный предмет» [4, с. 329], синонимировал понятия «абсолютное» и «божественное».

Итак, Абсолют – это совершенный предмет (Бог), относительное – предпосылки, детерминанты абсолютного. Мысль о близости конца не обесценивает относительные ценности, а только заставляет думать об их

подчинённом значении, так как «признание относительных ценностей и положительное к ним отношение не только не противоречит этическому максимализму религии, но прямо им требуется. Ибо как смысл всего существующего Бог есть смысл и всего относительно-временного» [6, с. 290].

Конец мира, по Трубецкому, это второе и окончательное пришествие Христа, т. е. не просто прекращение мирового процесса, а достижение его цели, осуществление имманентного ему смысла, превращение человечества в Богочеловечество, поэтому «утверждение “близости конца вселенной” должно звучать не как призыв к неделанию, а, наоборот, как призыв к энергии в созидании непреходящего и существенного» [6, с. 293]. Эту же мысль мы встречаем в эсхатологических высказываниях Н. Бердяева: «Нельзя понимать Апокалипсис как фатум. Конец истории, конец мира не фатален. Поэтому я защищаю творчески-активный эсхатологизм. Переход от исторического христианства, которое отходит в прошлое, к христианству эсхатологическому, которому только и принадлежит будущее, должен означать не возрастание пассивности, а возрастание активности, не возрастание страха, а возрастание дерзновения» [3, с. 359].

Апокалипсис – процесс не одномоментный. По Трубецкому, человечество на протяжении всего исторического развития живёт в преддверии финального этапа. Серьёзные социальные и природные катаклизмы являются предвестниками последнего, постоянно напоминая человеку о бренности его существования и ярче высвечивая абсолютное в нашей жизни.

Как уже говорилось выше, межличностная война низводит нас до состояния зверочеловечества, а не помогает раскрыть в себе положительные стороны. Совсем другое дело, мировые войны. Философ не идеализирует последствия военных действий для социума, просто он считает, что во время социальных катаклизмов (государственного или мирового уровня) люди относятся к лишению материальных благ легче, чем при каких-либо других условиях [6, с. 274].

Таким образом, дело не ограничивается только отрешением от материального, происходит внутренний переворот в человеке, общие проблемы, страдания, несчастья объединяют людей, на поверхность выходят такие качества как милосердие, сострадание и т. д. Трубецкой подчёркивает, что, когда сердце человека, возвышаясь над борьбой за су-

ществование и начиная воспринимать чужое страдание как своё, чувствует «внутреннюю органическую связь, объединяющую человечество во единое существо, – оно тем самым осуществляет в себе закон другого мира. Это уже без сомнения – явление сверхбиологического начала в нашей действительности, притом явление, вызванное именно крайним и односторонним утверждением биологизма в человеческом обществе: это – прямой ответ человеческого духа на искушения зверочеловечества» [6, с. 275].

На этом этапе человек начинает чётко понимать относительные и абсолютные ценности своей жизни. Это сразу находит отражение в межличностных отношениях. Обостряется восприятие такого прекрасного чувства, как любовь. Не страсть, не половое влечение, а чистая любовь. Любовь к родному человеку, любовь к детям, патриотическая любовь и т. д.

В такие времена пускают в свои дома беженцев, принимают чужих детей, стариков, живут с ними под одной крышей, выстраивая межличностные отношения на чувстве милосердия и взаимопомощи.

Трубецкой считает, что именно поэтому в Евангелии второе пришествие Христа предваряют катастрофические события, ибо человеческий мир должен перестать быть «смешанным телом». Мечом, который рассечёт все двусмысленности и наполнит все предметы единым абсолютным смыслом, будет суд вечного Логоса (Абсолюта) [6, с. 278].

Войну философ рассматривает как начало всеобщего разделения, которое охватит все сферы общественных отношений. Трубецкой пишет: «Смута рождается из войны, потому что война расшатывает весь государственный механизм, голод – потому что война и смута повреждают всё народное хозяйство и, наконец, моры – потому что война всегда служит причиной возникновения жестоких эпидемий» [6, с. 278]. Победить это может только человек, так как именно он является носителем высших нравственных ценностей, которые освобождаются под воздействием невзгод и изнутри преобразовывают самого человека [6, с. 275].

Е. Трубецкой, описывая положительное значение войны для духовного возрождения человечества, делает следующую оговорку: во-первых, материальное неблагополучие, являющееся результатом войны, полезно для духовного преобразования тех, кто от него страдает, а вовсе не для тех, кто является источником этих невзгод. Помимо материаль-

ного неблагополучия, по мнению философа, для «закаливания» души полезны искушения и соблазны, но «горе тем, через кого соблазн приходит» [6, с. 294]. Во-вторых, как бы ни были недолговечны, создаваемые в период катастроф «относительные ценности жизни, самая деятельность человека, направленная к их созиданию, может заключать в себе нечто безотносительно ценное, в зависимости от того, какой дух в ней проявляется, какими намерениями и началами она вдохновляется» [6, с. 295].

Согласно взглядам Трубецкого, мировые катастрофы циклически повторяются в истории и при каждом последующем повторении расширяют и углубляют область поражения. Никому не дано предугадать, когда количество данных повторений перейдет в качество, т. е. наступит Царствие Божие. Философ отмечает, что ошибка закрадывается в наши расчёты с того момента, как мы начинаем пытаться высчитать близость Конца света, подходим к данной проблеме со своими человеческими мерками (днями, годами, конкретными датами). Человеку это не дано, так как «под близостью тут следует разуметь нечто другое – именно метафизическую близость цели. При таком толковании все изречения Евангелия относительно признаков второго пришествия Христа сразу приобретают глубокое конкретное применение ко всем катастрофическим эпохам истории вообще и к нашей эпохе в частности» [6, с. 281].

По Трубецкому, миру не стоит тратить время на пассивное ожидание Конца света, потому что необходимо всеми силами сдерживать зло хотя бы внешними материальными преградами [6, с. 289]. Сдерживающим фактором здесь является государство. Философ отмечает, что изначально государство несёт в себе отрицательный смысл, так как в своих международных отношениях не подчиняется нравственным законам – ни божественным, ни социальным. В основе своей все мировые государства компромиссные создания, потому что они служат целям добра путем насилия, обеспечивают мир во внешней и внутренней политике путём оружия и смерти. Это приводит ко внутреннему раздвоению граждан, против чего и выступает Трубецкой, т. е. в личной жизни человек признаёт религиозные заповеди, живёт, исповедуя любовь к Богу и ближнему, но как гражданин склонен к насилию и человеконенавистничеству [6, с. 261].

Тоненькая перегородка, разделяющая жизнь человека в частной сфере с его граж-

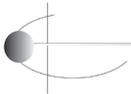
данской позицией, что испытывала на себе давление на протяжении многих веков, и вот на современном (Е. Трубецкому) этапе она рухнула, поэтому «теперь вся жизнь безбожна, – отмечает философ, – и частная, и государственная: во всех человеческих отношениях господствует один и тот же нравственный кодекс – кодекс последовательного и беспощадного каннибализма» [6, с. 261]. Понятия «смерть», «убийство», «насилие» прочно вошли в повседневную жизнь, перестав вызывать чувство ужаса. Вера в безусловную ценность человеческой жизни уступила место утилитарному подходу к оценке жизненных ценностей.

Это, по мнению Трубецкого, становится прекрасной базой для анархии в обществе, т. е., как уже говорилось «войны всех против всех», распространённой на все сферы общественных отношений. Анархическая этика подчиняется биологическому принципу – раз «одним нужно есть и пить, ... другие должны служить им пищу». И в результате этого последовательного осуществления биологизма в жизни вся общественность рассыпается в прах, рушится вся человеческая культура» [6, с. 265].

Таким образом, кажется, что государство несёт только негативное в наш мир, но Евангелие отмечает необходимость оно, конечно, не как части будущего Царствия Божьего, но как ступени ведущей к нему, ибо «кто хочет, чтобы жизнь человеческая когда-нибудь, хотя бы за пределами земного, претворилась в рай, тот должен благословлять ту силу, хотя бы внешнюю, которая до времени мешает миру превратиться в ад» [6, с. 290].

С этой точки зрения осуждению подвергается, как антигосударственное, так и просто равнодушное отношение к государству. Если уж оно признаётся ценностью, хоть и относительной, значит, каждый гражданин обязан за него бороться, потому что чем настойчивее попытки превратить его в «ад на земле», тем активнее граждане должны бороться, преумножая добро и преобразуя государство в оружие против зверочеловечества [6, с. 290].

Одним из важнейших средств формирования человека как активного субъекта исторического процесса, обладающего средствами и возможностью отстаивать свои социальную и гражданскую позиции, Трубецкой считал культуру. Она, как и всё, созданное человеком, имеет смешанный состав, т. е. в ней наличествуют «элементы, обречённые тлению, но есть и другие, подлежащие увековечиванию: есть в ней ценности отрицатель-

ные, но есть и положительные, причём эти последние, в свою очередь, подразделяются на ценности безусловные и относительные [6, с. 286].

Определяющим началом для распознавания тех и других должен служить Абсолют, так как он является субстанцией нашего мира, его началом и завершением.

Итак, в культуре есть составляющие, безусловно, положительные (религиозная культура) и отрицательные (антирелигиозная культура), с такими, по мнению философа, никаких проблем не возникает, но как определить качество и необходимость светской культуры. Совсем отрицать её ценность невозможно, ибо религиозная культура не может полностью восполнить потребности человека в духовной сфере. По мнению философа, познавательная деятельность человека (его знания о природе, обществе, внутреннем «Я») не может ограничиваться религией, это отбросит человечество назад на несколько веков. Значит, светская культура имеет ценность, пусть и относительную, но необходимую для человека.

Вообще решение вопроса: «Что в нашей жизни абсолютная, а что относительная ценность?», согласно взглядам Трубецкого, имеет огромную теоретическую и практическую важность, ибо это вопрос вообще о нашем отношении к жизни, к миру, к себе.

Помимо этого мы должны решить, оставаться ли нам активными участниками творческого жизненного процесса или предоставить его собственной участи. Пассивное отношение может показаться более соблазнительным, так как в России, по мнению философа, религиозность именно пассивная. Это отражается в нашем изобразительном искусстве, литературе (особенно сказках) и т. д. Русский человек вообще склонен к созерцательности, размышлениям, подвержен настроению «неделания». Отказ от борьбы часто обосновывается бесполезностью оной, потому что наш мир уже «ад» или «царство антихриста». Основой этих пассивных настроений, так или иначе связанных с эсхатологией, является, по Трубецкому, ложный максимализм, т. е. пренебрежительное отношение к относительным ценностям. Конечно, мирской порядок есть ценность относительная и временная, но было бы ошибкой отрицать его ценность или отказываться от него.

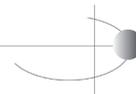
Жизнь человека состоит из бесчисленного количества будничных дел. Выполняя их, мы создаём относительные ценности. Необходимая для нас пища, одежда, вообще

материальная составляющая нашей жизни плюс здоровье – это всё ценности относительные, но если мы не будем заботиться о пище для своих детей и родных, откажем им в медицинской или иной помощи, мы понесём безотносительную утрату [6, с. 296]. Философ считает, что забота о близких, любовь к Родине, даже просто качественное выполнение своих должностных обязанностей являются ступеньками к Абсолюту.

Таким образом, создавая относительные ценности человек, не замечая этого, «выковыливает тот свой человеческий образ, который либо перейдет в вечную жизнь, либо станет добычей второй смерти. Создание собственного своего образа по образу и подобию Божью и есть то подлинное, субстанциональное и творческое дело, к которому призван человек. Относительные ценности служат лишь средством для этого творчества» [6, с. 295].

Хотя Царствие Божие зарождается внутри отдельного человека, растёт там, ожидая готовности человечества, но приходит в мир с катастрофой. Благодаря крушению земных благ, надежд происходит духовный сдвиг в душе каждого человека. Именно в катастрофические эпохи проявляются абсолютные ценности, ибо «когда сгорает человеческое благополучие, гибнут относительные ценности, рушатся утопии – это всегда бывает признаком, что Царствие Божие близко, при дверях, потому что именно через отрешение от утопического и относительного человек сердцем приближается к вечному и безусловному» [6, с. 281].

Наступил XXI век, а мы опять говорим, что в русском национальном самосознании активно продолжают существовать и апокалипсические, и утопические, и антиутопические идеи. Сто лет назад Н. Бердяев писал по этому поводу: «Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая, дионисийская и аскетически-монашеское православие. Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; готовность, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядованность и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безликий коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие, смирение и наглость, рабство и бунт» [1]. Это высказывание является стимулом для любого исследовате-

ля. Кто мы? Почему именно такие? Возможны ли альтернативы? Как замечательно сказал Э. Соловьев: «Прошлое толкует нас» [7, с. 1], поэтому попытки таких величайших русских

мыслителей, как Е. Трубецкой, понять и объяснить природу человека до сих пор актуальны и являются интеллектуальным наследием человечества.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Русская идея. URL: <http://www.proza.ru/2014/01/29/633> (дата обращения: 10.03.2014).
2. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 177 с.
3. Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Мир книги, Литература, 2006. 416 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Наука логики / под ред. Е. П. Ситковского. М.: Мысль, 1975. 452 с.
5. Зеньковский В. В. История философии. Л.: Эго, 1991. В 2 т. 1027 с.
6. Трубецкой Е. Н. Избранное / сост., послесловие и комментарии В. В. Сапова. М.: Канон, 1995. 480 с.
7. Соловьёв Э. Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М.: Политиздат, 1991. 432 с.

References

1. Berdyaev N. A. Russkaya ideya URL: <http://www.proza.ru/2014/01/29/633> (data obrashcheniya 10.03.2014).
2. Berdyaev N. A. Smysl istorii. M.: Mysl', 1990. 177 s.
3. Berdyaev N. A. Samopoznanie (Opyt filosofskoi avtobiografii). M.: Mir knigi, Literatura, 2006. 416 s.
4. Gegel' G. V. F. Entsiklopediya filosofskikh nauk. Nauka logiki / Pod red. E. P. Sitkovskogo. M.: Mysl', 1975. 452 s.
5. Zen'kovskii V. V. Istoriya filosofii. L.: Ego, 1991. V 2-kh t. 1027 s.
6. Trubetskoi E. N. Izbrannoe / Sost., posleslovie i kommentarii V. V. Sapova. M.: Kanon, 1995. 480 s.
7. Solov'ev E. Yu. Proshloe tolkuet nas: (Ocherki po istorii filosofii i kul'tury). M.: Politizdat, 1991. 432 s.

Статья поступила в редакцию 19.04.2014